

Елена АРСЕНЬЕВА

КУКЛА

Елена Арсеньева

Кукла

«Автор»

2015

Арсеньева Е. А.

Кукла / Е. А. Арсеньева — «Автор», 2015

«— Знаешь, что меня больше всего удивляет? – спросил как-то Кузьмичев, уткнувшись в тонкие, цвета раннего меда, перепутанные волосы Светланы. – Что? – Она повернула голову. – То, что ты – женщина не моего типа. Понимаешь? Всю жизнь мне нравились маленькие, тоненькие брюнетки. Я женат на одной из них... Светлана чуть надулась. Увидев сбоку оттопырившуюся нижнюю губу, Кузьмичев тронул ее пальцем. Губа смешно булькнула. – Не дуйся! Меня раздражали пышные блондинки. Они тяжело идут. У них круглые, как шары, бедра. Их грудь не помещается в платье. Их тела так много...»

© Арсеньева Е. А., 2015

© Автор, 2015

Елена Арсеньева

Кукла

– Знаешь, что меня больше всего удивляет? – спросил как-то Кузьмичев, уткнувшись в тонкие, цвета раннего меда, перепутанные волосы Светланы.

– Что? – Она повернула голову.

– То, что ты – женщина не моего типа. Понимаешь? Всю жизнь мне нравились маленькие, тоненькие брюнетки. Я женат на одной из них...

Светлана чуть надулась. Увидев сбоку оттопырившуюся нижнюю губу, Кузьмичев тронул ее пальцем. Губа смешно булькнула.

– Не дуйся! Меня раздражали пышные блондинки. Они тяжело идут. У них круглые, как шары, бедра. Их грудь не помещается в платье. Их тела так много...

Светлана остро взглянула на Кузьмичева золотистым глазом и опустила накрашенные ресницы, похожие на черные торчащие щетинки.

– Да погоди ты обижаться! Послушай. Всю жизнь предпочитал брюнеток, говорю я. И вот встречаю тебя: рыжую, с рыжими глазами, белую, как молоко, розовую, как роза, мягкую, как масло. И мне противны все на свете брюнетки, особенно маленькие и тоненькие, их худосочные фигурки. Когда их обнимаешь, вспоминаешь Блока: «В его ушах нездешний, странный звон – то кости бряцают о кости». Ты другая. Кажется, я люблю тебя, моя рыжая!

Время любви, объятий, поцелуев...

Привыкнув мерить опытным взглядом длину ног, высоту груди, улавливать зовущий взор, Кузьмичев, как, впрочем, и многие другие мужчины нашего времени, перестал обращать внимание на музыку поворота головы, поэзию взмаха ресниц, танец складок на платье... И тем сильнее поразило его однажды выступившее из морозной, колючей – до боли в глазах – полутьмы, возникшее из предрассвета бледное женское лицо, окутанное пышным седым мехом.

Лицо мелькнуло, женщина миновала Кузьмичева, а он неожиданно для себя повернулся и двинулся следом, зачарованно уставившись в ее спину под черным пальто, замороженный ее поспешной, неровной и в то же время тяжеловато-плавной поступью.

Он следовал за женщиной до автобусной остановки и там, приткнувшись к обледенелой будке, стал разглядывать незнакомку, уже не таясь.

У нее было какое-то затаенно-розовое лицо – казалось, кожа подсвечена изнутри. И брови ее были соболиными, и губы напоминали розовую мальву, и влажно блестели зубы, и, погружаясь в золотистое сияние ее глаз, сразу повлажневших, словно бы испуганно вздрогнувших при встрече с его взором, Кузьмичев – тоже почти со страхом, с нервным ознобом – не нашел сил уйти.

Ему ли было чувствовать смятение? Несмотря на свою неказистую, как он сам считал, внешность, Кузьмичев нравился женщинам. Но пред неожиданно встреченной тем ранним утром красавицей с золотистыми глазами он словно бы уронил в снег свою стабильную самоуверенность и вновь обрел ее, только когда почувствовал, что и эта женщина преклоняется, как и все бывшие до нее, – преклоняется и обожает.

Светлана – ее звали Светланой, как бы подтверждая сияющую внешность, – была моложе Кузьмичева на пять лет, с мужем успела разойтись, работала в библиотеке и жила в однокомнатной квартире подруги – девицы строгих правил и высокой моральности. Так что встречаться влюбленным было катастрофически негде.

Сначала обнимались в подъездах. От поцелуев на морозе лихорадка выступала на губах. Наконец – о счастье! – Кузьмичеву удалось уговорить приятеля, артиста театра оперетты Бузкова, давать иногда ключ от его квартирки в общежитии молодых специалистов.

В этой каморке под самой крышей, больше похожей на скворечник, чем на человеческое жилье, в этой крошечной комнатке, годами не знавшей ремонта, с выщербленным полом и оклеенными старыми и новыми афишами стенами и потолком, в коробочке, где в холод стучали зубы, а в жару было недалеко до обморока, насквозь продутой ветрами и залепленной солнцем, в клетушке, где из мебели имелись только колченогий журнальный столик, два разномасстных стула, в равной степени одинаково ободранных, стереосистема и бесстыжий, опытный, развратно скрипящий диван, – они встречались. Они любили друг друга и не видели грязи.

Кузьмичев и Светлана постепенно привыкли считать эту каморку своей. Кузьмичев приносил новые пластинки, Светлана – цветы. Они умирали от счастья под ругань на общей кухне и хихиканье за стенкой до самого мая месяца, пока не разразилась катастрофа: Бузаков решил жениться! И женился. Первым делом новая хозяйка выбросила на свалку диван.

Узнав об этом, Светлана заплакала. Кузьмичеву казалось, будто их, как Адама и Еву, изгнали из рая. Подъездная и бульварная жизнь их пугала. Надо было срочно что-то придумать. Но что?

Кузьмичев ругался про себя. Он отчаялся. Он не любил решать бытовые проблемы. И тут его послали по заданию редакции в Приморье, на сенсационные археологические раскопки.

Он вернулся через неделю, оглушенный, ослепленный и ошеломленный тем, что произошло, мимоходом поздоровался с женой и детьми, сдал старшему редактору текст передачи, «Репортер» и пленки, обговорил с режиссером кое-какие детали и позвонил в библиотеку Светлане. И в тот же день они встретились, взяли напрокат в яхтклубе двухвесельную лодочку, угребли на косу посреди реки, и там, на желтом, жарком, дымящемся под ветром песке, Кузьмичев рассказал...

Кое-что о приморских раскопках Светлана знала: о них шумела пресса. Найденные в Приморье остатки цивилизации красноречиво свидетельствовали, что здесь когда-то проживал народ древнее самой древней нации, известной человечеству. Гипотезы, предположения, догадки!... Но было среди вороха сенсаций и то, о чем знал только Кузьмичев.

Прибыл он на раскопки с опозданием: просидел в промежуточном аэропорту. Зона была ограждена, археологи уже смертельно устали отвечать разным журналистам на одинаковые вопросы, но Кузьмичев решил хоть как-то вознаградить себя, наверстать упущенное, – и поздними сумерками пробрался через заранее примеченную щель в изгороди.

Солнце село. Края облаков еще сияли золотистыми отсветами, но темнота властно заволакивала небо, и Кузьмичев понял, что затея его нелепа: ничего он не рассмотрит, потому что фонарика нет, а что делать здесь в темноте? Того и гляди ногу подвернешь.

Кузьмичев постоял еще минутку, вдыхая сырой запах разрытой земли, сделал шаг к своему лазу – и тут заметил под ногами неясный промельк света. И почему-то вспомнил Светлану, какой увидел ее впервые. Что же это – стекляшка, блестящая пуговица? Но нет... сердце перехватило в предчувствии неожиданности, и Кузьмичев, испачкав пальцы землей, нашарил наконец что-то длинненькое, шершавое, неровное, вроде... ну, вроде чего? – вроде какой-то трубочки.

Как оказалось потом, эта штука напоминала тоненькую дудочку из белой коры неизвестного дерева. А может, это была и не кора – Кузьмичев не знал. Материал нежно мерцал в темноте, а на свету принимал цвет того предмета, на котором лежал. Наверное, поэтому никто из археологов не примечал эту странную дудочку днем.

Кузьмичев долго рассматривал находку. Неодолимо тянуло поднести ее к губам, сыграть на ней. Ощущая всю нелепость своего неожиданного желания – он был начисто лишен слуха, – Кузьмичев вышел из вагончика, в котором его поселили, и спустился по деревянному трапику на землю.

Утро только что занялось. На влажной высокой траве еще лежала тень сна. Невдалеке паслась грязно-белая коза. Она подняла голову, звякнула колокольчиком и мемекнула.

Кузьмичев коснулся дудочки пересохшими от волнения губами. Ощущение было такое, будто он прикоснулся к холодному камню. Это было тем более странно, что пальцы холода не почувствовали. Кузьмичев решился – и дунул.

Он готов был услышать любой звук, самый невероятный и неземной. Но дудочка молчала. Опять ничего не получилось с музыкой! Он разочарованно вздохнул, заглянул в дудочку с одного конца, с другого, и только тогда заметил изменения в окружающем пейзаже. Все вроде было на месте, но чего-то не хватало. Он подумал и сообразил, что не хватало козы.

Кузьмичев почему-то посмотрел в небо. Высоко-высоко, под редкими белесыми облаками резал синеву маленький самолетик. В лучах восходящего солнца он казался розовым, и кудрявый след его тоже был розов.

Кузьмичев обошел вагончик, заглянул под него. Козы там, конечно, не оказалось. Но дело в том, что ей просто некуда было деться. Ровное поле лежало вокруг, до ближайшего дерева далеко, да и не спрятаться козе за тоненькой березкой.

...Коза и впрямь никуда не делась. Кузьмичев едва не наступил на нее. Она окаменело стояла под одуванчиком...

Кузьмичев присел на корточки и осторожно поставил козу на ладонь. Если бы животные могли терять сознание, она, наверное, в этот момент лишилась бы чувств, но Кузьмичеву показалось, что он держит на ладони не живую козу, непонятным образом уменьшившуюся в размерах, а неподвижную игрушку, сделанную, до последней шерстинки, с удивительным искусством и точностью. Кузьмичев вернул козу на землю, вытер ладонь о траву, поднялся, отошел и, пристально глядя на «игрушку», поднес дудочку к губам.

Он подождал, пока мигом подросшая коза не очухалась и не умчалась прочь, истерически мекая и подпрыгивая высоко над травой, и вернулся в свой вагончик. Лег на матрац, набитый сеном, уткнулся в колючую подушку, пряно и томительно пахнущую полынью, и крепко зажмурился...

* * *

Ольга, жена Кузьмичева, маленькая, тоненькая брюнетка, работала в роддоме. Дважды в неделю она дежурила: во вторник и пятницу. Ольга любила устойчивость и порядок во всем, даже в графике дежурств. Иногда Кузьмичев удивлялся, как она столько лет терпит рядом такого безалаберного мужчину, как он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.